

Кукольник Нестор Васильевич

Исторические повести

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Историческая повесть: Книга 1 / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 96 с.

ISBN 978-5-519-91682-0

ISBN 978-5-519-91682-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА ЛИХОНЧИХА.

—

I.

— А что, Волчокъ, воротился Тихонъ Никитичъ отъ государя?.. спросилъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій у круглаго карлика, который лежалъ на окнѣ, какъ котъ, и прищурясь грѣлся на солнышкѣ...

— Охъ. Петруша! отвѣчалъ карликъ. — Такое безвременье! Лочи не спимъ; пишемъ, да пишемъ; государь сто разъ на день спрашиваетъ; а тутъ еще въ монастырѣ такъ тѣсно!... въ одной кельѣ и бояринъ и я думаемъ, и дьяки пишутъ, и допросы чинимъ, а обѣдать изволь въ трапезу; а отецъ Сильвестръ такой скупой; вчера былъ пятокъ и рыбы не далъ, какъ будто и мы монахи съ Андрюшкой; я еще, чай, проживу, а ужъ дьякъ Андрюшка не выдержитъ. Ужъ когда Успеніе было... Отецъ Сильвестръ и на осень не глядитъ — печекъ не топить; видишь, у него на монастырѣ лѣто, а за оградой морозъ.

— Полно, Волчокъ, стерпится, слюбится; къ Рождеству, дастъ Богъ, въ Москву переѣдемъ... сказалъ князь, улыбаясь.

— Къ Рождеству, Петруша! завопилъ карликъ. — Умру, ей Богу, умру... И заплакалъ. Вошло нѣсколько человѣкъ, и князь оставилъ карлика, который полежалъ, позѣвалъ, да съ горя и заснулъ.

— А генераль давно ли изъ Москвы?

— Съ часъ съ мѣста, отвѣчалъ Гордонъ.

— Были у государя?

— Былъ...

— Ну, что въ Москвѣ?

— Очень смѣшно, князь.

— Какъ смѣшно? то есть весело, хотѣли вы сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни какая ошибка не есть? Очень смѣшно: царевна велитъ стрѣльцамъ на походъ, а стрѣльцы плачутъ, ломаютъ руки, ходятъ въ церкви; бояры дѣлаютъ одинъ другому визиты день и ночь и ни на какое дѣло рѣшиться не могутъ. Я получилъ указъ и пошелъ кланяться къ Василю Василичу Голицыну. Старшій человѣкъ въ Москвѣ, и отъ государя еще абшидъ не имѣетъ! Онъ меня посылалъ кланяться къ Софьѣ Алексѣевнѣ и къ Ивану Алексѣевичу... Я отвѣчалъ: имѣйте милость, князь, меня извинить; я не могу: въ указѣ не есть сказано. И я прямо отъ васъ къ солдатамъ, и потомъ въ Троицкій монастырь. Адѣ!

Вошелъ бояринъ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. За нимъ толпа разнаго рода сановниковъ, стрѣлецкій полковникъ Циклеръ и другіе.

— Что, не возвращался Тихонъ Никитичъ? спросилъ бояринъ.

— Нѣтъ еще.

— Плохо, плохо!.. Чѣмъ еще все это кончится? сказалъ бояринъ, ходя по узкой комнатѣ, гдѣ едва давали ему дорогу присутствовавшіе, прижимаясь къ стѣнкамъ.

— Что плохо, бояринъ? спросилъ князь.

— Плохо, плохо. Миру не будетъ... Бѣда, какъ человѣкъ въ осьмнадцать лѣтъ, а умъ въ сорокъ!..

— Да отчего-жъ бѣда?

— Упрямится! Миру не бывать. Слушать ничего не хочетъ!.. Судить всѣхъ, да и только; всѣхъ судить по отцеву закону, нещадно: и сестру царевну, и князь Василья Васильича Голицына, и князь Алексѣя Васильича Голицына, и Леонтья Романовича Неплюева, всѣхъ, всѣхъ!.. Удивилъ! Просто удивилъ! патріарха хотѣлъ судить, да Іоакимъ покался и что царевна говорила, все выдалъ... Плохо! плохо!..

— Да отчего же плохо?

— Да оттого плохо, князь, что я за Василія больно боюсь...

— Свой своему поневолѣ другъ; оно такъ, Борисъ Алексѣевичъ, да не бойся: князь Василій на честной службѣ выросъ, ума ему не занимать; грѣшнаго совѣта не подастъ.

— То-то и бѣда, что совѣтовалъ царевнѣ въ Польшу бѣжать...

— Въ Польшу! закричали всѣ.

— Ну, нечего сказать! съ грустью сказалъ князь,—опростоволосился... Да вѣрно ли это?

— Патріархъ выдалъ. А какъ патріархъ ска-

заль, такъ и Татьяна Михайловна, и Марѳа и Марья Алексѣевны повинились, что слышали... Вся надежда на Тихона Никитича: судить-то придется ему...

— Вѣстимо ему; да только Тихонъ Никитичъ, какъ самъ знаешь, не милостивецъ: что онъ, что уложенъе—все равно...

— Авось уломаемъ. Только помогите.

Двери отворились и всѣ замолчали. Вошелъ бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ. Величіе и доброта, смѣшанныя съ глубокою грустью, осѣняли окладистое, красивое лицо боярина; дѣяки несли за нимъ бумаги. Волчокъ вскочилъ съ окна и подбѣжалъ къ нему. Стрѣшневъ, глядя его по головкѣ, съ прिवѣтною, но принужденною улыбкою, сказалъ предстоявшимъ: Здравствуйте, добро пожаловать!.. Не я, неволя задержала... Богъ милостивъ...—и усѣлся въ большія кресла, которыя съ трудомъ дотащилъ до него Волчокъ, приговаривая: Ну кресла! Знать ихъ за трудъ старцы таскають.

— Полковникъ! сказалъ Стрѣшневъ грозно, и Циклеръ поблѣднѣлъ. Хотя онъ по суду и остался оправданнымъ, но вѣрность его была сомнительна, и послѣдствія оправдали сомнѣнія.—Знаю, всезнаю, да хорошо, что повинился. Грѣхъ великъ, такъ ступай, да Богу молись, да гляди, чтобъ опять не поскользнулся. Видитъ Богъ, подымать не стану. А за Лихонцевъ, если не суду, такъ Богу отвѣтишь; всего трое изъ цѣлаго полка! не досмотрѣлъ, гдѣ глаза были?.. Андрюшка, роспись!

Дѣякъ подалъ большую книгу, гдѣ вписаны были имена преступниковъ, преданныхъ суду; подъ предсѣдательствомъ боярина Стрѣшнева.

— Много крови, много!.. Да, авось, послѣдній разъ. Приложи руку, Циклеръ; смотри, чтобы не отрубили, коли по сыску не то сыщемъ... Ступай!

Циклеръ расписался въ справедливости своихъ показаній и ушелъ; за ними отпустилъ бояринъ почти всѣхъ гостей. Остались: бояринъ Голицынъ, князь Прозоровскій и генералъ Гордонъ.

— Князь Петръ Ивановичъ! сказалъ Стрѣшневъ, обращаясь къ Прозоровскому: тебѣ есть нарядъ въ Москву... Поѣзжай и возьми Шакловитаго.

— Да какъ же я его возьму? Онъ въ палатахъ у царевны. Слышно, спрятанъ; не выдастъ.

— Ты ужъ только поѣзжай; а не выдастъ, хуже будетъ. Его на судъ зовутъ: такъ и скажи; а что по суду окажется, Богъ знаетъ, не вѣдомо. Князь Петръ Ивановичъ, подымайся, время не терпитъ...

— Да развѣ государь указалъ?

— Не мнѣ же тебѣ указывать! Возьми ратныхъ людей у генерала, а стрѣльцамъ вѣрить нельзя! Да поклонись отъ меня Голицыну и скажи, что Богъ милостивъ. Пусть прихворнетъ на-время, когда совсѣмъ отстать старику не придется; только, чтобы грѣха берегся; а то ужъ никто не поможетъ; а на мой судъ пускай не идетъ; слягу въ постель, а друга не помилую.

Послѣ такого откровеннаго разговора, Борису Алексѣвичу Голицыну, дальнему сроднику князя Василья Васильевича, нечего было дѣлать у Стрѣшнева, и онъ ушелъ, потупивъ голову, вмѣстѣ съ Прозоровскимъ. Остался одинъ только Гордонъ.

— Генералъ, что ты снялъ уже начало?

— Имѣлъ счастье.

— Къ палатамъ царскимъ государь стражи ука-

затъ не изволилъ; такъ ты, пожалуй, поставь своихъ надежныхъ, знаешь такъ, гдѣ нибудь, по близости отъ палатъ; да чтобы мнѣ они съ царскаго порога глазъ не спускали. Понимаешь ли?

— Я понимаю, отвѣчалъ Гордонъ.

— Онъ ничего не боится, а мнѣ, старику, отъ страха за него такъ и сна нѣтъ; а не то я самъ буду торчать на порогѣ.

— Мы съ капитанами будемъ не отходить.

— Ладно, ладно, генералъ. Да, вотъ, сегодня привезли злодѣевъ: сдадутъ тебѣ по этому списку... Держи ихъ по крѣпче...

— Они уже есть у капитана фонъ-Энке. Тамъ и три Лихонца... Матушка ихъ просила меня, чтобы говорить съ государемъ и съ вами объ нихъ...

— Да что тутъ говорить! Надо колесовать, да и только. Такихъ злодѣевъ можетъ миловать государь, а наше дѣло — законъ. Пускай бьетъ челомъ государю. Да гдѣ она?

— Здѣсь.

— Что ты, генералъ, хочешь ей доброе дѣло сдѣлать? Такъ пропусти на монастырь, — въ твоей власти; да пусть и сторожить государя завтра у собора, передъ обѣдней. Авось помилуетъ!

— Я буду ей это скавать.

— Скажи, скажи... Богъ милостивъ... Прощай.

Гордонъ ушелъ, а Тихонъ Никитичъ погрузился въ чтеніе бумагъ. Безмолвно и недвижно торчали ва его креслами два дьяка, а Волчокъ спалъ на солнышкѣ.

II.

Троїцко-Сергіевскій монастырь со всѣми посадами и окрестностями, въ половинѣ сентября 1689 года, походилъ болѣе на шумную и многолюдную столицу, нежели на тихую обитель иноковъ. Не праздникъ былъ у Троицы, не молещиики стеклись со всѣхъ предѣловъ Руси къ нетлѣннымъ мощамъ чудотворца: нѣтъ, рѣшалось государственное дѣло; больше: рѣшалась судьба Россіи. Въ зданіяхъ на монастырѣ, проживали Петръ Алексѣевичъ съ государыней-родительницей, тетка государева, Татьяна Михайловна, съ двумя сестрами Петра, патріархъ и нѣкоторые важнѣйшіе сановники. Архимандритъ Сильвестръ съ братією переселился въ служебныя избы, очистивъ гостямъ свои кельи; на посадахъ жили бояре и разнаго рода чиновные люди; стрѣлецкіе полки въ полѣ простирались станомъ вплоть до Хотькова монастыря; тамъ, въ монастырской гостинницѣ, тѣснилась разнородная толпа приходящихъ; кто ни шелъ, ни ѣхалъ, сворачивалъ къ Хотькову, желая сначала тайкомъ освѣдомиться о троїцкихъ дѣлахъ: даже послы царевны Софіи, Бутурлинъ и князь Троекуровъ, не получивъ согласія Петра на свиданіе съ царевной, возвращались тѣмъ же путемъ; но, къ огорченію, не могли набрать добрыхъ слуховъ; напротивъ, они съ трудомъ пробирались, и по большой московской дорогѣ, покрытой поѣздами и пѣшеходами, ихъ вездѣ встрѣчали и провожали насмѣшками. Народъ вѣдалъ, что царевна кается и, вмѣстѣ съ Петромъ, не вѣрилъ ея искренности. Актъ обвиненія торжественно и всенародно былъ

прочитанъ, въ присутствіи государя, съ крыльца троицкихъ царскихъ палатъ. Орудія казни давно уже были выставлены въ полѣ, неподалеку отъ монастырской ограды и наводили трепеть на любопытныхъ. Но такова звѣрская природа чело-вѣка: па-завтра любопытные снова тѣснились около страшныхъ орудій и снова съ трепетомъ расходились. Со дня на день ожидали трагическаго представленія; узнавали о времени; каждый произвольно назначалъ день и часъ; но казнь не могла совершиться безъ Шакловитаго, начальника стрѣleckаго приказа и главнаго орудія честолюбивой Софіи, и—толкамъ не было конца.

Одна только женщина не любопытствовала, не входила въ толки. Поздно за полночь пришла она къ воротамъ Троицкаго монастыря и всѣ надежды ея рушились. Въ ворота пропускали только тѣхъ, которые были лично знакомы нѣмецкимъ капитанамъ или старшимъ садовникамъ. Опасеніямъ и разспросамъ усердныхъ нѣмцевъ не было конца: они входили во всѣ подробности домашней жизни, во всѣ отношенія и связи, даже въ генеалогію приходящихъ. Многіе мошельщики, случайно попавшіе въ троицкое дѣло, изъ усердія нѣмцевъ сидѣли подъ крѣпкой стражей, и ночью подвергались подозрительнымъ допросамъ. На однѣхъ женщинъ не падали ихъ сомнѣнія, и вотъ почему Авдотья Петровна Лихончиха могла просидѣть у Троицкихъ воротъ всю ночь и утро. Не мало бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, прошло съ посадовъ на монастырь; каждый затыкалъ уши, когда Авдотья Петровна просила покровительства, и это не риторическая фигура,—нѣтъ, просто за-

тыкалъ уши и, пробѣгая въ ворота, кричалъ: не слышу, не слышу! Имя трехъ Лихонцевъ навредило этотъ ужасъ: они вмѣстѣ съ начальникомъ стрѣлецкаго приказа Шафловитымъ, вмѣстѣ съ Резановымъ, Гладкими, Петровымъ и Чернымъ, ѣздили въ Преображенское на страшный подвигъ, разрушенный вѣрностью двухъ стрѣльцовъ, Θεоктистова и Мельнова, которые увѣдомили князя Бориса Голицына о преступномъ умыслѣ. Ровыскное дѣло было уже прочитано; сомнѣній не оставалось, казнь была неизбѣжна. Приѣхалъ изъ Москвы генералъ Гордонъ и Лихончиха бросилась ему въ ноги.

— Я буду сказать,—отвѣчалъ генералъ, Тихону Никитичу, а его величеству не смѣю; не мое дѣло. Я сожалею тебя, но помочь не могу; поди на гостиницу; вотъ тебѣ одинъ рубль; тамъ ожидай, я буду за тобой прислать, если Тихонъ Никитичъ будетъ позволять съ нимъ видѣться.

— Благодарѣтель ты мой, ангелъ ты мой, дай Богъ тебѣ... дай Богъ всякаго счастія... благополучія!.. дай Богъ тебѣ... не имѣть дѣтей! въ слезахъ вопила Лихончиха. Гордонъ былъ уже далеко; Авдотья Петровна все еще его благословляла, цѣлуя рубль и обѣщая положить его на раку чудотворца, если поможетъ преклонить сердце цареву на милость.

III.

Къ вечеру много людей собралось у монастырской гостиницы, всегда тихаго пристанища смиренныхъ молеельщиковъ, а теперь шумнаго вѣча

безчисленныхъ толковъ, надеждъ, сказокъ и предсказаній. Вѣче шумѣло на площадкѣ передъ гостиницей, потому что въ комнатахъ жили придворные. Авдотья Петровна грѣла старыя кости на заходящемъ солнышкѣ: {то молилась, то глядѣла на дорогу къ монастырскимъ воротамъ; люди скоро замѣтили и старушку и душевную ея тоску и, больше изъ любопытства, нежели изъ состраданія, спросили: кого ты поджидаешь, матушка?

— Нѣмецкаго боярина; обѣщаль прислать за мной.

— Мало ему и безъ тебя дѣла! Да и за тобой-то посылать ему какая нужда! Нынче въ монастырь и старицъ не пускаютъ: а ужъ такую старуху!..

Люди смѣялись.

— Безъ дѣла и бояръ не пускаютъ, а за дѣломъ и нищаго къ государю пропустятъ.

— За дѣломъ?.. за какимъ дѣломъ?

Лихончиха сказала, и люди разбѣжались.

Старуха качала имъ во слѣдъ сѣдою головой, но въ то же время увидѣла Гордона, съ трудомъ встала и, молча, съ невыразимымъ страхомъ, ожидала генерала; въ смущенномъ сердцѣ думала она: что, если не за тобой, Авдотья?

— Ну! сказалъ генералъ:—Тихонъ Никитичъ никакой надежды не имѣетъ (старуха упала на колѣни и, воздѣвъ руки къ небу, дослушала рѣчь Гордона). А мы будемъ дѣлать такъ. Завтра, передъ обѣдней, приходи къ собору и жди на крыльцѣ государя, Я прикажу пустить тебя пройти... Проси государя имѣть милость...

И старуха безъ словъ повалилась на земь. Гордонъ ушелъ отъ благодарности; но вскорѣ явился